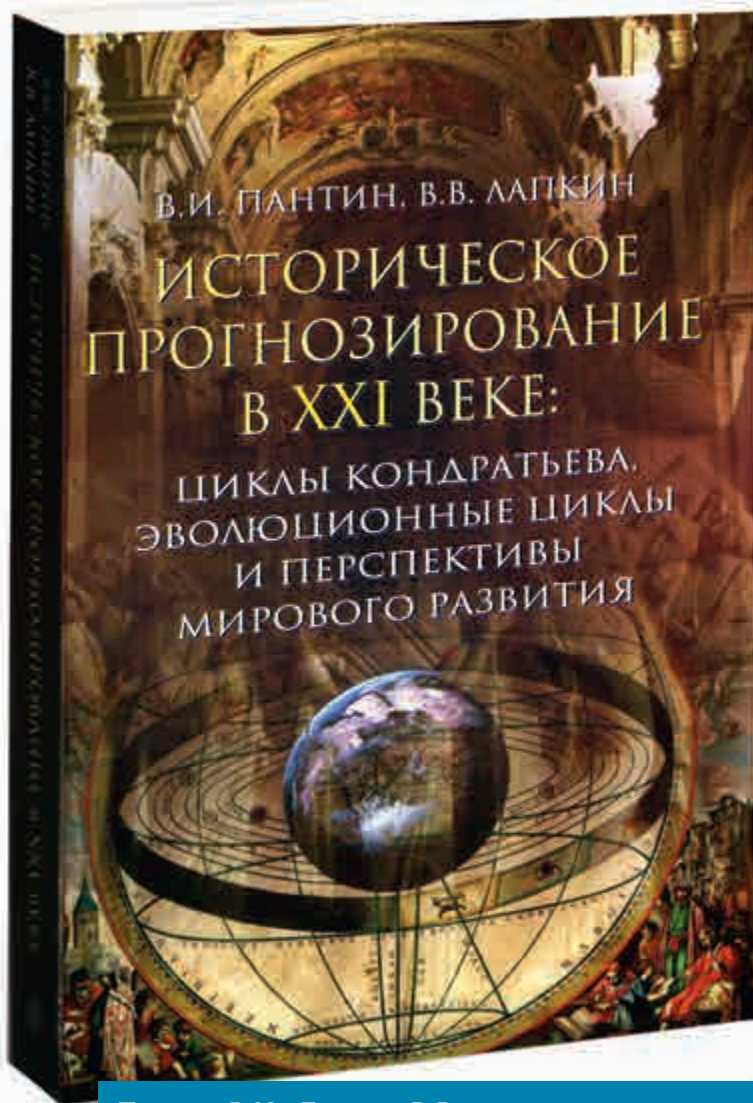

На пути к большой концепции прогнозирования

Пантин В.И., Лапкин В.В.
Историческое прогнозирование в XXI веке:
циклы Кондратьева, эволюционные циклы
и перспективы мирового развития.
Дубна: Феникс+, 2014. 456 с.

Рассматриваемая книга не первое исследование авторов, посвященное теоретическим и практическим аспектам прогнозирования социума — как национального, так и глобального [1, 2]. И с каждым разом они углубляют свои подходы, уточняют прежние положения, выдвигают новые идеи. Все это утверждает В.И. Пантина и В.В. Лапкина в качестве ведущих экспертов в данной области.

Прежде всего хочется обратить внимание на термин, используемый авторами монографии, — «историческое прогнозирование». Неискушенному читателю он может показаться странным: ведь история — это о прошлом, а прогнозирование — о будущем. В.И. Пантин и В.В. Лапкин убедительно связывают одно с другим. Историческое прогнозирование опирается на выявление таких существенных трендов общественной эволюции, которые действовали вчера, действуют сегодня и скорее всего будут действовать в дальнейшем [1; с. 141]. Иначе говоря, познание прошлого — ключ к познанию будущего, поскольку последующее рождается из предшествующего.

Связь эта может осуществляться двояким образом. Во-первых, как «линейная экстраполяция», то есть когда предполагается, что сформировавшиеся некогда и идущие на наших глазах общественные процессы продолжатся в дальнейшем. Например,

Автор

Хорос Владимир Георгиевич — руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, доктор исторических наук.

что развитие (экономическое, социальное и пр.) будет и дальше происходить кумулятивно. Правда, могут допускаться иные сценарии, но как бы в дополнение, как следствие неожиданных обстоятельств, «на всякий случай». Однако авторы справедливо замечают, что «сценарный подход — это лишь подготовительная, первоначальная работа над прогнозированием» [1; с. 155], что последнее как раз должно определить, какая из различных тенденций проявится в качестве наиболее вероятной, преобладающей.

Конечно, линейная динамика, «прогресс» — в какие-то периоды, на какое-то время — имеет место в ходе общественной эволюции. Но в целом основным подходом к историческому прогнозированию, по мысли авторов, является «нелинейная экстраполяция», исходящая из ритмов и циклов истории [1; с. 178–185]. Жизнь общества движется по определенным циклам или волнам, к которым надо относиться не как к частностям, исключениям, но как к закономерности исторической эволюции человеческих обществ. Этот тезис для В.И. Пантина и В.В. Лапкина является принципиальным, и они стремятся раскрыть его в своей книге.

Авторы отдают себе отчет в специфике прогнозирования в гуманитарной сфере, в присутствии ему рисков. Вспоминается разговор на эту тему с одним известным ученым, специалистом в области астрономии, который по-старомодному и с гордостью называл себя «астрономом», делая ударение не на третьем, а на втором слоге. Он говорил примерно следующее: «Я как естествовед, конечно, могу попробовать выработать определяющие показатели, количественные данные общественных процессов, рассчитать их динамику и тому подобное. Но придет какой-нибудь Брежнев

и всю картину мне испортит». Субъективный фактор — вот что вносит неизбежные коррективы в построения футурологов. И тем не менее авторы убеждены, что возможно вполне реалистично «подсмотреть» будущее, если опираться на серьезный анализ объективных закономерностей, «раскладов» тех или иных процессов, проявившихся на прошлых этапах общественной эволюции. В отличие от опытных, естественных наук это будет, конечно, «мысленный эксперимент», но отнюдь не плод фантазии,

внешней политики США, реформ и контрреформ в России). Наблюдаются циклы европейской истории, основанные на колебаниях интеграции и дезинтеграции. Существуют длинные волны глобализации (1750–1810-е годы, 1870–1914 гг., 1970–2050-е годы). Это и многое другое уже в той или иной степени наработано в прогностической литературе.

В свое время нам пришлось организовать большой проект «Мировые цивилизации в эпоху глобализации». В про-

Жизнь общества движется по определенным циклам или волнам, к которым надо относиться не как к частностям, исключениям, но как к закономерности исторической эволюции человеческих обществ.

а покоящийся на прочной научной основе. А сам «мысленный эксперимент» в свою очередь является проверкой, подтверждением или обнаружением просчетов соответствующей научной теории.

Авторы исходят из достижений своих предшественников, например, напоминают читателю о глубоких (и во многом оправдавшихся) прозрениях крупных мыслителей И. Канта, И.Г. Фихте, О. Шпенглера, А. Тойнби, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, К. Ясперса и других (с. 29–86). Они фиксируют и так или иначе используют различные виды циклов: экономические (3–4-летние циклы Китчина, 7–11-летние циклы Жугляра, 20–30-летние циклы Кузнецца), политические (электоральные циклы в 4–6 лет и др.), военные (циклы Гольдштейна в 40–50 лет). Известны циклы эволюции в отдельных странах (циклы внутренней и

цессе работы над ним мы обнаружили определенную внутреннюю цикличность, присущую локальным цивилизациям, причем в каждой из них волновой характер исторической динамики имеет свою специфику. Например, в истории и цивилизации Китая можно выделить периодические циклические зигзаги продолжительностью примерно полтора-два века, которые начинались различными реформами и улучшениями и заканчивались крупными катаклизмами и внутренними потрясениями, после чего наступал следующий сходный по ритму цикл. В японской цивилизации чередовались эпохи открытости и закрытости по отношению к окружающему миру. Цивилизационные циклы определяются как внешним воздействием, так и внутренними характеристиками цивилизации, ее изначальным ценностно-культурным «кодом».

Для В.И. Пантина и В.В. Лапкина особенно важны кондратьевские циклы — колебания экономической динамики нового и новейшего времени, обнаруженные нашим замечательным соотечественником, безвременно погибшим Н.Д. Кондратьевым. Кондратьевские циклы мирового хозяйства (40–60 лет) складываются из двух волн: повышательной и понижательной. Первая из них отмечена бурным ростом новых производительных сил, технологий, высокой хозяйственной конъюнктурой, что вызывает не только подъем, но и конфликты, общественную борьбу. Как результат — понижательная волна, вялая деловая активность, неустойчивость, кризисы, но одновременно накопление сил для следующего рывка.

Кондратьевские циклы использовались в основном в работах экономистов, хотя уже сам Н.Д. Кондратьев выходил за рамки экономики, вводя в свою схему политические факторы или последствия. Однако при датировке циклов (конец XVIII — XX в.), данной как самим Кондратьевым, так и его последователями, возникали

определенные несоответствия или нестыковки в сроках тех или иных периодов, как и в корреляции между экономическими и политическими процессами. Поэтому В.И. Пантин и В.В. Лапкин предложили преобразовать кондратьевские циклы в более сложную модель. Два кондратьевских цикла соединяются ими в четыре последовательные фазы: технологический переворот (соответствующий повышательной волне первого кондратьевского цикла) — фаза «великих потрясений» (понижательная волна данного кондратьевского цикла) — революция мирового рынка (повышательная волна следующего кондратьевского цикла) — структурный кризис (понижательная волна этого кондратьевского цикла). Исходя из этой конструкции авторы дают нам свое членение мировой динамики XVIII в. — первой половины XXI в. [1; с. 255].

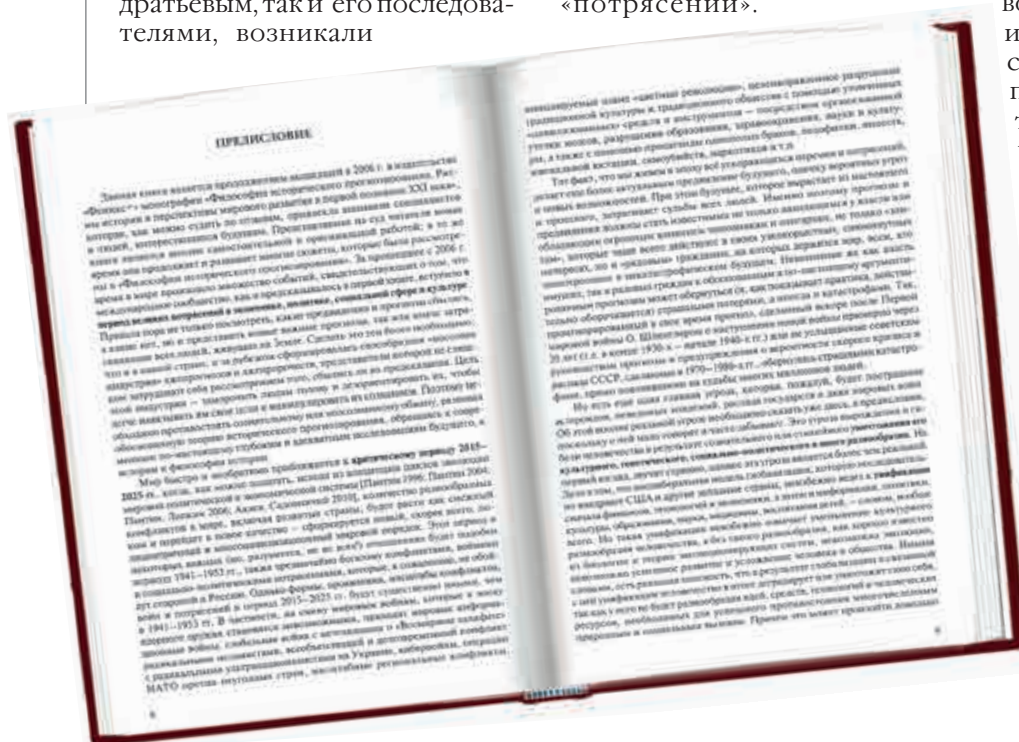
Вводитися и более дробная периодизация. Например, фаза «великих потрясений» разбивается на три отрезка с разной степенью интенсивности «потрясений».

На основе этой градации авторы в свое время предсказали мировой кризис 2008–2009 гг. Делается также важное уточнение, что понижательные фазы в современную эпоху имеют тенденцию сокращаться.

Не будем воспроизводить всю последовательность и датировку фаз циклической эволюции мировой системы — читатель сам найдет ее в книге и поразмыслит над ней. Скажу только, что в этой конструкции многое подкупает. Экономические процессы сопрягаются с политическими, предпринимается попытка установить как прямую, так и обратную связь между ними. Фиксируется «полный жизненный цикл» технологического уклада, который охватывает два кондратьевских цикла (100–120 лет) и которому соответствуют возникновение, развитие и постепенный уход в тень ведущего технологического устройства, доминирование определенного источника энергии, а также определенного типа валютно-финансового обеспечения [1; с. 251–254]. Каждый такой отрезок мировой истории Фернан Бродель именовал *la longue duree* [1; с. 251–254]. Плодотворным представляется понятие структурного кризиса, которым начинается каждый эволюционный цикл, стимулируя его дальнейшие фазы. Этот перечень конструктивных идей и запоминающихся обобщений можно продолжить.

На основе такой комплексной модели В.И. Пантин и В.В. Лапкин осуществляют общий прогноз мирового развития в первой половине XXI в. Авторы оговаривают, что этот прогноз, естественно, носит вероятностный характер.

Тем не менее их предположения на ближайшее и среднесрочное бу-

дущее выглядят вполне правдоподобными и заставляют задуматься. Согласно раскладам авторов, в предстоящее десятилетие (2015–2025 гг.) завершится фаза «великих потрясений» и начинается «революция мирового рынка», что чревато ростом конфликтов и возникновением критических точек в 2015, 2017, 2021 и 2025 гг. А 2015 г. (третий эволюционный цикл) выступает аналогом 1940–1941 гг. во втором эволюционном цикле и периода 1841–1843 гг. в первом эволюционном цикле. С учетом этого авторы предполагают новое обострение ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Кавказском регионе и особенно на Украине (книга писалась до антиконституционного переворота в Киеве), что приведет к резкому обострению конфронтации между Западом и Россией [1; с. 392–393]. Сегодня мы видим, что возникновение Исламского государства в Сирии и Ираке, война на Украине, западные санкции против России и прочее подтверждают этот прогноз. Интересно, что гражданские войны на Украине и в Сирии, по мнению авторов, представляют собой «известное подобие» гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., что предполагает и «известное подобие» последствий [1; с. 396].

В 2017 и 2021 гг., считают В.И. Пантин и В.В. Лапкин, опять-таки сопоставляя эти даты с симметричными вехами предшествующих циклов, последуют новые пики напряженности, включая экономический кризис 2017–2018 гг., ослабление позиции доллара в мировой финансовой системе и дальнейшие социальные и военно-политические конфликты. «Именно около 2021 г. международная ситуация станет наиболее опасной и будет балансировать на грани очередной масштабной войны» [1; с. 394]. Серьезные внутренние социально-политические кон-

фликты подстерегают и Россию. Они могут привести к ее распаду, но могут и послужить стимулом для перелома неблагоприятной динамики и осуществления «всесторонней модернизации». Окончательный же прогноз формулируется так: «Россия до 2025 г., несмотря на крупные конфликты и потрясения, скорее всего не распадется, и глобальной войны, по видимому, не будет» [1; с. 411]. Мне лично такое видение предстоящего десятилетия представляется достаточно взвешенным и правдоподобным.

Переходя к прогнозу на период 2025–2050 гг., авторы опять-таки оговаривают, что он неизбежно будет содержать определенную долю приблизительности, поскольку при долгосрочном прогнозировании мы можем видеть лишь некоторые важные общие тенденции, но не «все богатство конкретики, живую ткань происходящего» [1; с. 412]. Все же, используя структурное подобие соответствующих отрезков времени (фаз) в предшествующих эволюционных циклах, В.И. Пантин и В.В. Лапкин прогнозируют следующее:

- новый мировой кризис в 2025–2027 гг.;
- в 2033–2041 гг. – окончательное превращение ЕС из «неимперского» в «неоимперское» образование под эгидой США;
- постепенный переход к доминированию в мире стран Востока, прежде всего Китая и Индии;
- крупный перелом в глобальном развитии в 2040-х годах.

Основная идея авторов применительно ко второй четверти XXI в. состоит в том, что на данный период придется завершение индустриальной эпохи (в прежнем понимании индустриального общества) и окончательный переход к эпохе неоиндустриальной, «информационно-технологи-

ческой». Этот переход затронет все регионы мира, вызовет глубокие трансформации, неоднозначные реакции и, разумеется, конфликты, которые в той или иной форме будут продолжаться и во второй половине XXI в.

Геоэкономические и геополитические сдвиги не только затронут Россию и постсоветское пространство, но и примут здесь особенно драматический характер. Если, по мнению авторов, до 2025 г. Россия вопреки всем усилиям США «скорее всего не распадется», то для второй четверти нынешнего столетия у них такой уверенности нет. Приведем в силу

ния советской эпохи), как это делают под нажимом западных стран стоящие у власти либеральные технократы или коррумпированные чиновники, но нельзя и консервировать существующее <...> Решить эту проблему очень трудно сейчас, еще труднее ее будет решать около 2025 г., особенно если не готовиться к предстоящим внутренним и внешним вызовам, к эффективному ответу на них. То же самое относится и ко многим другим постсоветским государствам» [1; с. 415]. Не знаю, ознакомятся ли «наверху» с этим пассажем (и всей книгой В.И. Пантина и В.В. Лапкина), но нам, российским людям, в том числе и тем, кто сегодня успокоенно

глобальных элит оборачивается и будет оборачиваться в дальнейшем их провалом, как это произошло с весьма хитроумными британской и германской элитами во время Первой и особенно во время Второй мировой войны. Британская и германская элиты во время Первой мировой войны хотели использовать большевиков для ослабления и распада Российской империи, а в итоге получили Советский Союз, Коммунистический интернационал и смертельную угрозу своему владычеству <...> Накануне Второй мировой войны британская и отчасти американская элиты мнили Гитлера своим орудием против Советского Союза и коммунизма во всем мире, а в итоге получили тяжелую войну для своих стран, победу Советского Союза над нацистской Германией и усиление влияния коммунизма. Сейчас англосаксонская и другие западные элиты празднуют очередную пиррову победу: добившись распада Советского Союза и резкого ослабления России, в итоге они получают (и уже получают) столь же резкое усиление Китая и исламского экстремизма, а также внутреннюю деградацию Европейского союза и США под натиском инокультурных иммигрантов. Но все это не только не учит западные элиты, но, напротив, делает их еще более агрессив-

Если до 2025 г. Россия вопреки всем усилиям США «скорее всего не распадется», то для второй четверти нынешнего столетия такой уверенности нет.

ее значимости большую цитату на этот счет: «Помимо внешнего давления и многочисленных, все более острых внутренних проблем, России <...> предстоит столкнуться с крупнейшим переломом во всей ее истории. Сможет ли Россия выдержать такой перелом без окончательного разрушения российской цивилизации, это большой вопрос. В том виде, в каком пока что пребывают российское государство, российская „элита“ и российское общество (всепроникающая коррупция, деградация всех сфер общественной жизни в результате так называемых реформ промышленности, сельского хозяйства, образования, науки, здравоохранения и т.п.), пережить переломную ситуацию около 2025 г. они вряд ли смогут. Проблема состоит в том, что нельзя бездумно ломать все, что накопила российская цивилизация за многие века своего развития (включая и достиже-

аплидирует очередным отчетам об успехах и обещаниям «партии и правительства», точно необходимо задуматься о будущих испытаниях и готовиться к ним.

Может показаться, что в книге преобладает пессимизм (или реализм?). Однако авторы в ситуации, когда многих наших соотечественников настораживают вызовы и угрозы современности, в частности со стороны Запада, приводят доводы (и видят перспективы) иного порядка — в духе того, что когда-то Гегель называл «хитростью провидения». Приведем еще одну обширную цитату, которая представляется и важной, и убедительной: «Не стоит слишком завидовать Западу, Европе, Германии, англосаксонским элитам, мнящим себя „выше истории“, „творцами“ и „переустроителями“ нашего мира. Дело в том, что „триумф“ англосаксонских и прочих

ными, напористыми и безумными. Тем более нормальным людям следует быть на чеку, ибо безумие любых, в том числе западных элит грозит обернуться безумием всего глобализированного мира: „сон разума рождает чудовищ“» [1; с. 97].

Конечно, на таком трудном исследовательском пути, который избрали В.И. Пантин и В.В. Лапкин, неизбежны какие-то утверждения и ходы мысли, которые вызывают несогласие или по крайней мере сомнения. Есть сомнения и у нас.

Нам уже приходилось высказываться по прогностической концепции авторов [3]. Главное замечание состояло в том, что недостаточно ясен *механизм* действия эволюционных циклов (технологический переворот — великие потрясения — революция мирового рынка — структурный кризис), то есть их связь, причины перехода от одной фазы к другой. В результате соотносимые с ними исторические сроки и даты порой вызывают вопросы.

Правда, в настоящей работе авторы немало продвинулись в плане выяснения механизма движения от одной фазы цикла к другой и эволюционного усложнения мировой системы от цикла к циклу, но все же не вполне решили эту задачу. Поэтому некоторые замечания придется повторить.

Скажем, не совсем ясно, почему (и всегда ли) технологическая революция вызывает потрясения в национальном и мировом масштабе, а трансформа-

ция мирового рынка упирается в структурный кризис. Отсюда сомнения и в некоторых датах.

бо отчетливая связь между технологической революцией в одной стране, в одном регионе и политическими и военными катаклизмами в другой

Глава 2. ОБЩИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПРОГНОЗОВ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ	94
2.1. Теоретические подходы к прогнозированию мирового развития: современные философско-исторические прогнозы	94
2.2. Прогнозы, основанные на цивилизационном и мир-системном подходах	99
2.3. Прогнозы, основанные на кибернетическом подходе	101
2.4. Прогнозы, основанные на математическом моделировании	113
2.5. О возможности пика, волн и колебаний в мировой динамике	119
2.6. Синтез теоретических подходов: необходимость и возможность более адекватного прогнозирования	127
Глава 3. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	140
3.1. Понятие исторического прогнозирования	140
3.2. Основные подходы к историческому прогнозированию: сценарный подход	152
3.3. Основные подходы к историческому прогнозированию: исторические сравнения и аналогии	159
3.4. Основные подходы к историческому прогнозированию: линейная экстраполяция исторических тенденций	173
3.5. Основные подходы к историческому прогнозированию: нелинейная экстраполяция, основанная на ритмах и циклах истории	176
3.6. Понятие эволюционного цикла и его использование в историческом прогнозировании	185
Часть II РИТМЫ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	
Глава 4. ГЛОБАЛЬНЫЕ РИТМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	204
4.1. Общие представления о ритмах глобальной динамики. Данные волны дифференциации — интеграции	204
4.2. Сверхдлинные глобальные волны дифференциации — интеграции и их прогностическое значение	209
4.3. Перспективы мирового развития с точки зрения ритмов дифференциации — интеграции	238
Глава 5. ЗНАЧЕНИЕ КОНДРАТЬЕВСКИХ И ЭВОЛЮЦИОННЫХ ЦИКЛОВ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	236
5.1. Циклы Кондратьева и их значение для прогнозирования экономического, социального и политического развития	236
5.2. Датировка и продолжительность кондратьевских и конюшенских волн циклов Кондратьева	243
5.3. Эволюционные циклы мировой системы	248
5.4. Прогностический потенциал эволюционных циклов	265
5.5. Прогноз мирового развития в первой половине XXI в., основанный на эволюционных циклах	272
Глава 6. РИТМЫ И ЦИКЛЫ АВТОХТОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	289
6.1. Динамика внутренних и внешних факторов российской автохтонной динамики	289

Например, согласно авторам, на 1753–1789 гг. приходится структурный кризис. Но ведь в этот период произошла аграрная революция в Англии, повысившая производительность сельского хозяйства более чем в 2 раза. В числе показателей структурного кризиса почему-то фигурирует Семилетняя война, хотя к Англии она имела достаточно отдаленное отношение.

Далее, период с 1814 по 1849 г. относится к фазе великих потрясений. А предшествует ему «по схеме» фаза технологического переворота, куда попадают Великая французская революция и наполеоновские войны (разве это не великие потрясения?). Точно так же в период технологического переворота 1897–1921 гг. попадают Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война в России, а фаза великих потрясений следует лишь затем, вплоть до 1945 г. Существует прямая или какая-ли-

стране, в другом регионе? Авторы вслед за Н.Д. Кондратьевым считают, что такая связь есть, но она нуждается в дальнейшем обосновании.

Короче говоря, совмещение тех или иных процессов «по схеме», стремление заключить их в определенные и точные даты приводит иногда к натяжкам. Это особенно заметно при попытке выделения 36-летних циклов автохтонного социально-политического развития России (глава 6).

В политической истории России начиная с середины XIV в. и до наших дней авторы выделяют три больших цикла — «периоды рывка»: 1353–1497, 1653–1797, 1881–2025 гг. (по 144 года каждый), во время которых в России происходят особенно радикальные преобразования государства и общества. При этом выделен-

ные циклы так или иначе связаны со сменой российских самодержцев или с крупными геополитическими сдвигами. Между этими 144-летними циклами, по мысли авторов, существуют промежутки более плавного, инерционного развития («периоды релаксации»). Выделенные 144-летние циклы в свою очередь разбиваются на 36-летние периоды, а те еще на три 12-летних отрезка. Этот расклад приобретает для авторов методологическое значение, поскольку, сопоставляя различные — по эпохам — циклы российской истории, они делают выводы об элементах структурного подобия проходящих в рамках этих циклов политических процессов.

«Освоение опыта» создания Русью централизованного государства, обучение ему шло не у Запада, а у Золотой Орды.

Что связывает данные циклы, в чем состоят «ритмы» российской политической истории? По мысли авторов, ею движет механизм, который они условно обозначают как смена «рывка» и «релаксации». Однако эти понятия определяются весьма неясно и противоречиво. Так, «рывки» характеризуются как «периоды активного восприятия и освоения накопленного передовыми державами <...> политического и социокультурного опыта», когда Россия, «образно говоря, идет в ученичество к более передовым народам». Периоды же «релаксации» — это «периоды трансляции, освоения этого опыта, теперь уже адаптированного „русской властью“, на контролируемое ею пространство». А буквально на следующей странице читаем иное: «рывок» образует «самобытный цикл» российского развития, ибо учиться чужой премудрости Россия «предпочитает по собственному разумению», тогда как на этапе

«релаксации» происходит затухание «собственных колебаний» и следование «общемировым ритмам» развития [1; с. 304–305]. Получается, что «рывки» и «релаксации» нечетко различимы — и там и там «освоение передового опыта», стало быть, и приобщение к «общемировым ритмам».

Помимо пары «рывок — релаксация» в циклические механизмы русской политики включаются и другие процессы: внутренняя колонизация [1; с. 300], «этапы реализации проекта преобразования русской власти» [1; с. 363] и др. Но как они друг с другом координируются, непонятно. Например, утверждается, что «экстенсивная аграрная колонизация <...> к концу XVI — началу

XVII в. ввергла страну в глубокий политический и хозяйственный кризис», апофеозом которого стала Смута [1; с. 306]. Наверное, гораздо естественнее усмотреть предпосылки «смут» этого периода в неудачной затяжной Ливонской войне, опричнине и других нестроениях эпохи Грозного, нежели в экспедиции Ермака и подобных колонизациях.

Возьмем первый российский цикл (1353–1497), обозначаемый авторами как «московский рывок». «Освоение передового опыта» (и то относительно) можно отнести лишь к временам Ивана III (приглашение итальянских архитекторов, греческое влияние через брак с Софьей Палеолог и пр.). В Московской Руси скорее преобладала тенденция изоляции от европейского мира (в значительной мере вынужденная). Основными векторами были собирание земель вокруг Москвы (оно, кстати, началось раньше указанных

авторами дат, еще при Иване Калите) и национально-освободительная борьба с татарами (о которой между прочим ничего не говорится). «Освоение опыта» создания централизованного государства, обучение ему шло не у Запада, а у Золотой Орды, когда русские князья, преодолевая раздробленность удельного периода, подавляли своих же собратьев с ордынской помощью.

Перейдем к другим политическим циклам. Почему 1497–1653 гг. относятся к фазе «релаксации»? Авторы дают здесь объяснение «релаксации» как «своеобразного отдыха российского государственно-политического механизма», когда власть «на длительное время успокаивается», теряет свою былую «пассионарность» [1; с. 365]. Ничего себе успокоение: взятие Казани и Астрахани, Ливонская война, опричнина, разрушение управленческого механизма, Смута... Непонятно также, почему следующий цикл («рывок») начинается с реформ Никона и Раскола, упразднения земских соборов и присоединения Малороссии, что подается как переход на «западный вектор» геополитической ориентации [1; с. 328–329], хотя движение в Сибирь и на Дальний Восток шло всюю именно в этот период.

Можно согласиться с квалификацией петровско-екатерининских преобразований как «рывка». Но и здесь включение в процесс «рывка» периода между Петром I и Екатериной II выглядит довольно сомнительно. Аргумент авторов, что в этот период «росла и крепла роль гвардии», а также «политическая роль дворянского служивого сословия» [1; с. 331], не слишком убеждает. Другая странность: деление «петровского» и «екатерининского» циклов на три равновеликих отрезка по 12 лет, где сначала шло «ученичество» у Европы, а потом «действие», претворение усвоенного в жизнь [1; с. 330–331, 332–333].

На самом деле «ученичество» и «действие» имели место на всех этих отрезках.

Весьма спорным выглядит характеристика периода 1796–1881 гг. как «релаксации». Разве реформы 1860-х годов — это не освоение передового опыта Европы?

Можно сделать и другие подобные замечания по данной главе, в частности по периодизации и «циклизации» советского периода. Но дело не только в конкретике. Фактические накладки или натяжки порождены, как представляется, некоторыми авторскими установками методологического порядка: чрезмерным доверием к жесткой последовательности смены одних циклов, одних временных отрезков другими и притом в соответствии с точно установленными рамками: 144, 36, 12. Прямо пушкинские «три карты»! Проводятся достаточно искусственные сопоставления периодов, принадлежащих к существенно разным историческим эпохам: например, 1389–1425 гг. сравниваются с 1689–1725 и 1917–1953 гг. [1; с. 363]. В результате приходится обрамлять границы выделяемых циклов или периодов более или менее произвольными события-

ми — скажем, смертью Симеона Гордого в 1353 г. и вокняжением Василия Дмитриевича в 1389 г. [1; с. 325–326]. Аналогичные сомнения в датировках возникают не только по российскому материалу.

Мы понимаем, что критиковать легче, чем создавать, тем более в такой сложной и зыбкой сфере, как социальное прогнозирование. Путь здесь один: углублять проникновение в механизм циклических процессов в эволюции человеческих обществ. Мы знаем, допустим, что вслед за зимой обязательно придет весна, за ней лето и далее осень. На основании чего? На основании тысячелетнего опыта плюс данных о вращении Земли, солнцестоянии и т.п., хотя и здесь бывают какие-то сдвиги и аномалии. Примерно так же можно воспринимать и эволюцию человеческой истории, но с поправкой на большую роль субъективного фактора.

Еще родоначальник исторического циклизма итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико подметил повторяемость политических процессов в столкновении людей, борьбе их за свои интересы. Эту повторяемость он уподобил человеческим возрастам — детству, зрелости, старости, соответствующим в области политики смене безвластия, правлением меньшинства (аристократии), заканчивающимся тиранией, после чего все начинается заново. В мировой мысли отмечались и другие, более общие механизмы цикличности, в основе которых лежит некая естественная двоичность: прилив — отлив, подъем — спад, энергия — усталость, прогресс — регресс и т.п. Двоичность проявляется и в так называемых поколенческих циклах, отношениях отцов и детей.

Эти общие механизмы цикличности по-разному проявляют-

ся в различных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре, науке), обладают в этих сферах относительной внутренней самостоятельностью. Иначе говоря, хозяйственные, политические, культурные и прочие циклы связаны между собой таким образом, что они скорее как бы налагаются друг на друга, чем одно вытекает из другого. Поэтому правильное прогнозирование предполагает выявление внутренних циклов в экономике, технологиях, политической жизни, культуре и затем наложение их друг на друга, что дает возможность определить и даты (приблизительные, с различными допускami) как самих циклов, так и важнейших событий внутри этих циклов.

В.И. Пантин и В.В. Лапкин фактически идут по этому пути, в ряде случаев стремясь определить имманентную циклическую динамику в экономике, политике, международных делах. У нас нет ни малейшего сомнения в том, что они не считают свое исследование законченным и вполне допускают возможность коррекции своих взглядов. Уверен, что это не последняя их работа по историческому прогнозированию. В общем они продолжают оставаться в пути — в пути к Большой концепции исследования будущего.

ПЭС 15043/09.04.2015

Источники

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы. Дубна: Феникс+, 2006.

2. Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+, 2009.

3. Север — Юг: прогноз социально-экономической и политической динамики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 3. С. 82–83.